

Василий Ян ЧИНГИСХАН

Василий Ян — один из лучших мастеров отечественного исторического романа. Главным и самым известным произведением писателя по праву стала трилогия «Нашествие монголов», в которую вошли романы «Чингисхан», «Батый» и «К “последнему морю”».

Это история человека, которого знает весь мир. История воина, взявшего в руки оружие, чтобы принести мир и благополучие своему народу. История могучего хана, объединившего разрозненные племена монголов в империю, которая простиралась от Желтого моря до Средиземного. История великого ордынца, основателя евразийской цивилизации. История о том, как Темучин стал непобедимым Чингисханом.

Что принесло монгольское правление Азии — просвещение или забвение? Как Чингисхан создал самую большую империю всех времен?

ISBN 978-5-9910-2411-2

9 785991 024112

www.ksdbook.ru

ISBN 978-966-14-5182-6

9 789661 451826

www.bookclub.ua

ЧИНГИСХАН

Василий Ян

Василий Ян ЧИНГИСХАН

САМАЯ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ ДЛЯ МУЖЧИНЫ — ПОБЕЖДАТЬ ВРАГОВ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Васили́ Ян

ЧИНГИСХАН

Роман

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД 2013

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84.4РОС
Я60

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Вступительная статья *И. Грекова*

Комментарии *В. Яна*

В оформлении обложки
использована иллюстрация *Олега Коржа*

Дизайнер обложки *Виталия Котляр*

ISBN 978-966-14-5182-6 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2411-2 (Россия)

- © ООО «РИЦ Литература»,
составление, 2013
- © Мария Янчевецкая, 2013
- © Nemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», художе-
ственное оформление, 2013
- © ООО «Книжный клуб «Клуб
семейного досуга», г. Бел-
город, 2013
- © ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2013

Цикл произведений В. Яна об ордынских нашествиях XIII века

В творчестве известного советского писателя В. Яна особое место занимают три его романа: «Чингисхан» (1939), «Батый» (1942), «К „Последнему морю“» (1955). Все эти произведения тесно связаны друг с другом, связаны не только хронологической близостью описываемых событий, но и единством концепционного замысла, общностью подхода к различным историческим проблемам, затрагиваемым в названных книгах. В сущности, данные сочинения В. Яна раскрывают два аспекта одной большой темы: с одной стороны, они показывают ход беспримерных по масштабам и жестокости ордынских завоеваний в Азии и Европе в XIII веке, выявляют «механизм» экспансии ордынской «державы» в его страшной исторической реальности, а с другой стороны, рассказывают о противодействии этой экспансии со стороны тех народов, которые оказывались ее жертвами.

Работая над этой сложной и емкой темой, автор, видимо, имел в виду рассмотреть ее в определенной последовательности, дать в каждой части своей трилогии один существенный этап ордынской экспансии в Азии или в Европе, одно направление завоевательной политики ордынской «державы».

Первый роман трилогии В. Яна посвящен прежде всего грандиозному конфликту «империи» Чингисхана с Хорезмийским «царством» Алла эд-Дина Мухаммеда в начале XIII века. Здесь автор прослеживает ход подготовки этих двух ведущих феодальных государств Средней Азии к решающим схваткам, учитывая при этом разные стадии их социально-экономического и политического развития, различный характер их культурной жизни, а также далеко не одинаковые стратегические цели на международной арене.

Анализируя весьма запутанный ход внутривосточной жизни Хорезма в период правления шаха Мухаммеда (1200—1220), автор

обращает внимание на весьма показательную тенденцию его политики, в частности на упорное нежелание этого правителя сосредоточить большие воинские формирования в одном каком-либо месте его «царства», нежелание, обусловленное очевидным его страхом перед возможностью выступления таких формирований не только против внешних врагов, но и против него самого.

Автор также отмечает существование в правящих кругах Хорезма и противоположных взглядов, выразителем которых оказался опальный сын шаха — Джелаль эд-Дин. Именно он в решающей беседе с отцом предлагал сконцентрировать все воинские силы, собрать их в один кулак, требовал не пассивной обороны городов-крепостей, а активной наступательной борьбы всех вооруженных формирований Хорезма против грозного восточного соседа. Однако, говоря о наличии подобных настроений у отдельных представителей правящих верхов, автор тут же отмечает, что они не играли сколько-нибудь заметной роли в выработке политического курса Хорезма в целом.

Таким образом, писателю удалось раскрыть очень сложную внутреннюю обстановку в Хорезме, показать неспособность хорезмийской правящей элиты консолидировать военно-политический потенциал страны даже в момент максимальной для нее опасности, сделать очевидной полную неподготовленность правящих кругов Хорезма к решающим схваткам с могущественной восточной «державой». При этом автор дает этому правильное объяснение: причина данного обстоятельства в том, что Хорезм находился тогда на такой стадии развития феодальных отношений, которая ставила его в невыгодное положение по сравнению с «раннефеодальной империей» Чингисхана.

Совершенно другими чертами характеризуется ход подготовки Чингисхана к решающим схваткам с соседями, совершенно в ином свете представлен внутривосточный статус «империи» с ее высокой степенью консолидации, по-иному выглядят ее вооруженные силы, иными складываются стратегия и тактика империи на международной арене.

Использование трудов известных советских востоковедов (В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, А. А. Якубовского и других) дало В. Яну возможность связать процессы становления «империи» Чингисхана

с развитием в монгольском обществе «кочевого феодализма», для которого были характерны значительные пережитки «военной демократии». В условиях постоянной смены кочевий у монголов весьма часто возникала нужда в новых пастбищах, в новых территориях. А при живучести в монгольском обществе элементов «военной демократии» стремление к захвату новых территорий приобретало не только вполне реальные, но и весьма грозные очертания, ибо созданная на основе десятичной системы огромная армия воинов-кочевников представляла собой такую силу, равной которой не было ни в Азии, ни в Европе на протяжении чуть ли не всего Средневековья.

Эта армия находилась в абсолютном подчинении у своего предводителя, которым оказался (видимо, из-за своих особых личных качеств — жестокости, хитрости и смелости) один из представителей монгольской родовой знати — Темучин, провозглашенный на курултае в 1206 году Чингисханом. Боеспособность этой армии основывалась не только на наличии общих социальных интересов у воинов-кочевников, но и на применении строго соблюдаемой десятичной системы. Итальянский дипломат Плано Карпини, посетивший монгольскую империю в 40-х годах XIII века (через несколько лет после смерти Чингисхана), отмечая огромное значение десятичной системы, широко использованной Чингисханом в его армии, писал: «Чингисхан установил, чтобы десять человек повиновались одному, который называется по-нашему десятником, над десятью же десятниками поставляется один, который называется сотником, над десятью сотниками — один, который называется тысячником, а над десятью тысячниками поставляется также один, а это число называется у них тьмою».

Далее он пишет, что каждый десяток был связан круговой поручкой: воины, которые не оказывали в бою поддержки своим товарищам по десятку, подвергались казни. В войске господствовал принцип единоначалия. Следует также иметь в виду, что монгольская армия по тем временам была хорошо вооружена. Кроме обычного оружия, она располагала стенобитными орудиями — таранами, способными разрушить ворота городов-крепостей. Также следует учитывать то обстоятельство, что боеспособность армии Чингисхана подкреплялась существованием у него довольно многочисленной личной гвар-

дии, которая в случае необходимости могла взять под свой контроль ту или иную часть монгольского войска.

Организовав таким образом свои вооруженные силы, Чингисхан получил возможность осуществлять крупномасштабные завоевательные операции как на востоке, так и на западе монгольской «империи». Эту возможность Чингисхан вскоре стал широко и умело использовать. Если на рубеже первого и второго десятилетий XIII века он завоевал чуть ли на половину Китая, то в конце второго — начале третьего десятилетия его стала занимать судьба одного из развитых феодальных государств Средней Азии — Хорезма.

Рассказывая о тщательной подготовке Чингисхана к решающей схватке с хорезм-шахом, В. Ян раскрывает не только чисто военные мероприятия предводителя монголов, но также мероприятия внутриполитические, дипломатические и разведывательные.

Автор справедливо придает важное значение тому факту, что накануне похода на Хорезм Чингисхан удалил от себя сильных и влиятельных старших сыновей (Джучи и Джагатая) и приблизил менее влиятельных и, следовательно, менее опасных — Угедэя и Тулуя. Писатель воссоздает и тонкую дипломатическую игру Чингисхана при дворе хорезм-шаха, выразившуюся в попытках предложить Мухаммеду мир, а также представить в искаженном виде реальное соотношение сил обеих «держав» (представить слабой «империю» монголов и могущественным Хорезм). Параллельно автор изображает целую серию разведывательных операций Чингисхана на берегах Нижнего Джейхуна (Амударьи), которые как бы завершали его подготовку к решающему выступлению против хорезмийского «царства».

Построив весь роман на раскрытии совершенно различных исходных данных двух «неравновеликих» политических сил — империи монголов и Хорезма, автор тем самым как бы подготовил читателя к принятию неизбежного итога разворачивавшегося тогда между ними грандиозного конфликта. Итог оказался весьма печальным для Хорезма, поскольку кровавый поход Чингисхана закончился уничтожением почти всех крупных политических и культурных центров страны, истреблением чуть ли не всего ее населения. Но итог этого конфликта оказался вполне «благополучным» для Чингисхана, по-

скольку, захватив Хорезм, он открыл себе дорогу для продвижения в Иран, Закавказье, а потом и в Восточную Европу.

Рассказав о завоевании Чингисханом Хорезма, о распространении его влияния на территории Ирана и Кавказа, о подготовке к походу монгольских войск в Индию, писатель показал и устремление ордынских правителей на Запад, в частности их планы проникновения в Восточную Европу. Правда, в начале 20-х годов XIII века речь шла о проведении Чингисханом лишь глубокой рекогносцировки в восточноевропейском регионе, об осуществлении монгольскими военачальниками боевой разведки в Поволжье и Приднепровье. Следуя своим творческим приемам, автор предпосылает рассказу о самих военных действиях между конфликтующими странами сравнительный анализ их военно-политических потенциалов, дает оценку сложившемуся соотношению сил между ними. В романе снова фиксируется хорошая подготовленность Чингисхана к наступательным операциям в Восточной Европе и снова отмечается весьма низкий уровень боеспособности тех стран, которым угрожало вторжение грозного противника.

Автор констатирует верность Чингисхана его широким завоевательным планам в восточноевропейском регионе, тщательность его подготовки к намечаемым здесь операциям (и это невзирая на то обстоятельство, что между Чингисханом и его старшим сыном Джучи — правителем Западной части ордынской «империи» — возникли тогда довольно острые противоречия).

Монгольские военачальники привержены испытанной ордынской тактике как в политической области, так и в военной. Как и раньше, Чингисхан исключал возможность консолидации своих явных и скрытых противников, стремясь наносить им удары поодиночке. Весьма показательной в этом плане оказалась борьба Чингисхана против алан и половцев: прежде всего он противопоставил их друг другу, а потом нанес поражение сначала аланам, а потом и половцам. Той же тактики Чингисхан намеревался придерживаться и на русских землях, планируя активное использование противоречий между различными княжескими домами феодальной Руси, предупреждая при этом их политическое сближение, тем более создание широкого антиордынского фронта на Русской земле.

Намереваясь провести с помощью своих испытанных соратников — Субудая и Джебэ — ранее задуманную рекогносцировку на территории Руси, Чингисхан стремился вооружить их правильным пониманием той политической ситуации, которая ждала их в районе предстоящих боевых операций. Писатель вложил в уста одного из этих военачальников фразу, которая свидетельствовала о хорошем знании ордынской дипломатией реальной политической обстановки на Руси. «У русов много ханов... и все эти ханы — «конязи» между собой грызутся... как собаки из разных кочевий. Поэтому разгромить их будет нетрудно. Никто не собрал их «конязей» в один колчан и нет у них своего Чингисхана».

Но вооружив своих боевых соратников пониманием политической обстановки на русских землях, Чингисхан предписал им придерживаться обычной ордынской тактики в военной сфере: он рекомендовал им соблюдать определенную последовательность в проведении операции. Сначала дезорганизация противника путем имитации беспорядочного бегства монгольских войск, потом провоцирование противника на слепое преследование монголов и, наконец, организация окружения русских армий, попадавших таким образом в ловушку.

В романе хорошо показано, как ордынским полководцам удается использовать политическую разобщенность русских князей (явное и скрытое соперничество Галицкого князя Мстислава Удалого, Киевского князя Мстислава, Суздальского князя Юрия Всеволодовича).

В романе нарисована трудная подготовка конфликтовавших друг с другом русских князей к встрече с татаро-монгольскими полчищами, раскрыт ход кампании 1223 года, когда на берегах реки Калки русские войска потерпели страшное поражение, оказавшись в ловушке у будто бы отступившей армии татаро-монголов.

Так был дан в романе пролог будущих крупномасштабных вторжений ордынских войск на территорию Русской земли, осуществлявшихся преемниками Чингисхана — и прежде всего его внуком ханом Батыем.

Повествуя о последних годах жизни Чингисхана (он умер в 1227 году), автор рассказывает о том, как он готовил своих полководцев к продолжению завоевательной политики Ордынской державы, как

он призывает осуществить сначала поход в Восточную Европу, а потом и прорыв к «последнему морю». Так автор как бы подводил читателя к следующему его роману о завоеваниях Батые.

В опубликованной в годы войны второй части трилогии — романе «Батый» — писатель излагает ход грандиозных военных кампаний 1237—1238 годов в Северо-Восточной Руси как столкновение двух феодальных государственных систем, находившихся на разных стадиях исторического развития. С одной стороны, он характеризует судьбу преуспевающей раннефеодальной империи татаро-монгол, все еще достаточно «централизованной», обладавшей многочисленной, хорошо организованной на основе десятичной системы армией, вынашивающей планы дальнейшего расширения своего влияния в мире, а с другой стороны, показывает комплекс русских княжеств, переживающих стадию феодальной раздробленности и лишенных вследствие этого возможности не только осуществлять активную широкомасштабную политику в Восточной Европе, но и организовать в какой-то мере надежную оборону своих территорий, выставить против грозного противника сколько-нибудь равноценный военно-политический потенциал.

В этом противостоянии двух систем феодальной государственности, находившихся на разных уровнях развития, автор видел, как и многие историки, одну из решающих причин торжества ордынских захватчиков на русских землях. Проследивая в романе политическую жизнь обеих систем перед вторжением Батые в Восточную Европу, он определяет различные их политические возможности и неодинаковые политические цели.

Как и в предшествующей части трилогии, автор раскрывает в романе «Батый» сложную политическую обстановку в монгольской «империи», рассказывает об активной деятельности ее правителей в политической и военной сферах, проследивает предысторию появления ордынских полчищ в Поволжье и на русских землях в конце 30-х годов XIII века. Много внимания автор уделяет непосредственной подготовке ордынских ханов к наступлению на страны Европы, подготовке, происходившей как на международной арене, так и внутри самой империи. В книге показывается умелое преодоление Батыем некоторых трудностей внутривнутриполитического порядка, в частности

установление этим ханом нужной ему расстановки сил в самом правящем доме Чингисидов.

В. Ян воссоздает картину сложных отношений в правящей элите ордынской державы, показывает назревшие противоречия между отдельными Чингисидами, но пока еще такие противоречия, которые не нарушали целостности империи. Намечавшийся конфликт между Чингисханом и его старшим сыном Джучи не привел к распаду ордынской империи. Не привел, по мнению писателя, не только потому, что жизнь этих двух ордынских правителей — отца и сына — оборвалась почти одновременно, но также еще и потому, что политические наследники Чингисхана — его внук хан Батый и один из его младших сыновей — хан Угедэй — встали тогда на путь тесного сотрудничества; на путь скоординированного руководства империей, при котором Угедэй выступал в роли верховного главы империи с резиденцией в Каракоруме, а Батый — в роли его реального соправителя, на долю которого выпало не только пребывание на землях Дешт-и-Кипчака, но и непосредственное осуществление завоевательной программы Чингисхана в Европе. Однако это верное истолкование общих тенденций тогдашнего развития раннефеодальной ордынской державы, в частности тенденции сохранения ее относительного единства в 30—40-е годы XIII века, все же не избавило автора от некоторой непоследовательности в интерпретации самого факта превращения хана Батыя в соправителя Угедэя, в главнокомандующего монгольскими войсками в Восточной Европе. Пользуясь писательским правом на творческий вымысел, автор немного преувеличил масштабы раздоров между Батыем и всеми остальными Чингисидами: несколько переоценил враждебность Чингисидов к хану Батыю в момент его выдвижения в предводители всего монгольского войска в восточноевропейском регионе. Однако эта авторская переоценка факта раздоров в правящем доме Чингисидов в 30—40-е годы XIII века не помешала ему дать в целом верную картину главных линий политического развития раннефеодальной монгольской империи в то время, картину, в которой была зафиксирована практика заключения временных компромиссных соглашений между отдельными представителями правящей династии, практика создания «дуумвиратов», «триумвиратов» между

ведущими Чингисидами накануне и во время походов Батые в страны Восточной и Центральной Европы.

Писатель признает, что возникновение «дуумвирата» Батые — Угедэя отнюдь не означало установления реального двоевластия в ордынской державе, тем более не означало государственного раздвоения самой империи, не знаменовало еще ее раскола. Более того, само осуществление такого «дуумвирата» предопределило мирное выдвижение Батые на пост главнокомандующего всеми монгольскими войсками в Западной части империи, обусловило подчинение ему всех «принцев крови» — Чингисидов, позволило ему стать орудием ордынских феодалов в осуществлении широких завоевательных планов в Европе, планов, выдвинутых еще самим Чингисханом.

Уже в первых главах романа В. Ян показал социально-политическую сущность «завещания Чингисхана», раскрыл широкую завоевательную программу раннефеодального монгольского «царства», которую Чингисхан успел осуществить лишь частично. Вместе с тем он показал, что заинтересованность ордынских феодалов в реализации всей этой программы сохранялась и после смерти Чингисхана: отсюда преемственная связь политических замыслов Чингисхана с реальной политикой его первых преемников, в частности с воинственной политикой Угедэя и Батые на европейском континенте.

Единство их действий в те годы четко зафиксировал один из восточных авторов, почти современник той эпохи Рашид-ад-Дин. «Благословенный взгляд (хана Угедэя), — писал он, — остановился на том, чтобы из царевичей Бату, Менгу и Гуюка... сообща с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар (поляков), маджар, башгирд, асов, Судак и те края для завоевания таковых...»

В романе показано, что у хана Батые для осуществления завоевательных планов были весьма широкие возможности. В его подчинении фактически находились все чингисиды. Он располагал огромной армией, которая была по тем временам хорошо вооружена. Кроме обычного оружия, она имела стенобитные орудия, а главное — являлась высокодисциплинированной армией, подчиненной «нормам» хорошо известной «десятичной» системы.

Стратегия и тактика Батыея опиралась на боевой опыт самого Чингисхана; он часто заманивал противника в ловушку с помощью имитированного отхода своих войск, а заманив таким образом противника, окружал и уничтожал его. Кроме того, Батый, как и его дед, систематически прибегал к массовому истреблению населения завоеванных территорий, захваченных городов-крепостей.

Все эти военные и политические возможности Батыея хорошо раскрыты на страницах романа. О них подробно рассказано уже в первых его главах, характеризующих подготовку Батыея к походам в Восточную Европу, а также прослеживающих передвижение его огромной армии из коренных областей ордынской державы на территории Поволжья, а затем и к главной цели военной кампании 1237—1238 годов — к русским землям. О них ярко и образно рассказано в основных главах романа, которые посвящены ходу боевых операций монгольских войск на землях Северо-восточной Руси.

Обрисовав политику раннефеодальной империи монголов накануне и во время походов Батыея в Восточную Европу, автор не мог оставить вне поля зрения политическую жизнь и русских земель в этот период — период значительного их продвижения в развитии материального производства и духовной культуры, в развитии самих феодальных отношений, а вместе с тем время распыления «национальных» сил страны, пору феодальной анархии и княжеских распрей, эпоху ослабления обороноспособности Руси в целом.

Хорошо изучив этот этап политической жизни русских княжеств, автор сумел своими писательскими средствами воссоздать исторически достоверную картину напряженной борьбы между тогдашними князьями феодальной Руси, показать, что князья Великого Владимирского княжества постоянно находились в скрытом или явном соперничестве с князьями Рязанскими, Черниговскими, Смоленскими, Киевскими и т. д., сумел раскрыть и особое положение в системе русских княжеств Новгородской боярской республики, приглашавшей к себе после событий 1136 года в качестве князей-наместников не только представителей Киевского княжеского дома, но также представителей других, явно усилившихся в тот период княжеских домов, успешно выступавших претендентами на общерусское лидерство, на ведущую роль в по-

литической жизни русских земель в целом (например, князей Черниговских, Владимиро-Суздальских, Смоленских и т. п.).

Вполне понятно, что в условиях такого рассредоточения «национальных» сил Русская земля опять не могла выставить сколько-нибудь равноценный противовес многочисленному, крепко сплоченному ордынскому войску, не могла оказать эффективного противодействия грозному завоевателю.

Характерно, что когда ордынские правители, овладев Поволжьем, стали угрожать непосредственно Рязани, просьбы рязанских князей о помощи, обращенные к Владимирскому и Черниговскому княжеским домам, не нашли там должного отклика.

Владимирский князь Юрий, сын знаменитого Всеволода Большое Гнездо, уклонился от оказания помощи Рязанской земле, рассчитывая, видимо, на то, что натиск ордынцев дальше Рязани не распространится, а если и коснется территории Владимирского княжества, то он справится с этой угрозой своими силами. Князь Юрий Всеволодович «не послуша князей рязанских мольбы, но хотя сам особь сотворити брани», — писал летописец. Южнорусские князья, в частности князь Михаил Черниговский, также не дали положительного ответа. (Писатель связывает Рязано-Черниговские переговоры с миссией в Чернигов Евпатия Коловрата, осуществленной накануне решающих боев за Рязань). У летописца были таким образом основания сформулировать следующее положение: «Поглощена бысть мудрость могущих строить ратные дела, — читаем мы в летописи, — и крепких сердца в слабость женскую преложишася, и сего ради не един от князей русских друг к другу не поиде на помощь».

Так, оставшись в изоляции, Рязань должна была встретить армию завоевателя с явно недостаточными средствами обороны. Попытка остановить продвижение ордынских войск с помощью прямых дипломатических переговоров Рязанского князя Федора с Батыем, а также отправка небольшой части рязанских войск навстречу неприятелю не дали никаких результатов. (Рассказ о гибели князя Федора в стане Батыя, а также о трагической кончине его молодой супруги Евпраксии с малолетним сыном Иваном следует считать большой творческой удачей автора).

В этих условиях путь на Рязань был открыт. В романе показано, как, несмотря на героическое сопротивление жителей города, 21 декабря 1237 года Рязань оказалась в руках противника. Город был сожжен и разрушен, погиб и сам Рязанский князь Юрий Ингварович.

Рассказав о тяжелой судьбе Рязани, автор прослеживает дальнейший путь продвижения армий Батыея в глубь Северо-Восточной Руси, путь на стольный город Владимир и другие ее центры. Мы видим, как Батый устремился вверх по реке Оке к Коломне, как он здесь встретился с владимиро-суздальскими войсками сына Владимирского князя Всеволода Юрьевича, которые пришли сюда на среднее течение реки Оки, видимо, не столько для помощи Рязани, сколько для защиты дальних подступов к Москве и Владимиру. В романе впечатляет рассказ о борьбе за Коломну, борьбе неравной и закончившейся очередной победой Батыея.

Уступая ордынцам в численности войск, в стратегических расчетах, Всеволод проиграл битву хану Батыею и, конечно, не защитил Коломну, которая оказалась в том же разоренном состоянии, что и Рязань.

Перед читателем далее возникает картина дальнейших операций Батыея в Северо-Восточной Руси. Пользуясь тем, что Владимирский князь Юрий потерял часть своих полков под Коломной, а другую часть вывел из Владимира на берега реки Сити, ордынский хан стал быстро продвигаться на север, к столице Северо-Восточной Руси. Он с ходу взял Москву, разорил и сжег ее, потом направился к самому городу Владимиру, который после пятидневной осады также оказался в ордынских руках (7 февраля 1238 года). Автору хорошо удалась сцены защиты Владимира, показ массового героизма жителей этого города — выходцев из народа. Вместе с тем писатель нашел нужные средства для раскрытия коварства и жестокости завоевателей, для показа тщетной попытки использования Батыеем пленного князя Владимира Юрьевича в качестве средства политического нажима на защитников Владимира.

Читатель далее получает возможность видеть, как после овладения стольным городом ордынцы захватили Суздаль, Переяславль, Ростов, Ярославль, Городец и стали двигаться непосредственно к лагерю русских князей, созданному на берегах реки Сити (в пространстве между Угличем на Волге и Бежичи на Мологе). 4 марта 1238 года

произошло решительное сражение, в ходе которого русская армия была разбита. Великий князь Владимирский — Юрий Всеволодович был убит, его судьбу разделили и другие князья; князья, оставшиеся в живых, оказались в плену.

Большой интерес представляют страницы романа, описывающие движение ордынцев в сторону Великого Новгорода, рассказывающие о колебаниях Батыея по поводу целесообразности продолжения «урусутской» кампании в условиях наступившей весенней распутицы. Объясняя принятое Батыеем решение не наступать на Новгород, автор присоединяется к тем историкам, которые связывают этот шаг ордынского правителя только с географическими и климатическими факторами. Не исключено, однако, что данное решение Батыея было обусловлено и другими причинами, в частности учетом особого положения Новгорода в системе русских княжеств, пониманием того обстоятельства, что сохранявшая свою относительную самостоятельность Новгородская земля могла представлять для Батыея большой интерес как предмет «торга» между князьями Северо-Восточной Руси и южнорусскими князьями, как средство воздействия со стороны Владимирского княжения, уже зависимого от Орды, на политическую жизнь юго-западных русских земель, еще остававшихся свободными от ордынской власти.

Интересными представляются также и описание отхода ордынских войск, рассказ о семинедельной осаде ордынцами сравнительно небольшого русского города Козельска. Автор прав, когда такое длительное сопротивление маленького города победоносным ордынским войскам связывает с тревогой Бату-хана по поводу перспектив ордынского властвования над русскими землями. Писатель вкладывает в уста хана Батыея весьма любопытное рассуждение по поводу неудачной осады Козельска. «Злой город! — говорит он. — Надо стереть его с лица земли! Если я оставлю без наказания этих дерзких разбойников, здесь будет тлеть постоянный костер неповиновения и тайных заговоров. Тогда и булгары, и мордва, и Рязань, и Владимир, и другие сто городов — все начнут точить рогашины, чтобы ударить меня в спину, когда я поведу войска дальше на запад. Пусть знают злобные урусуты, что никто не останется без наказания за сопротивление моей священной власти...»

И тот факт, что Козельск в конце концов был взят, разрушен, население его истреблено, выглядит в романе как осуществление угроз Батыею, как реализация его заявлений по поводу необходимости поддерживать власть Орды над русскими землями самыми жестокими мерами.

Таким образом, Батый после кампании 1237—1238 годов мог торжествовать победу, мог считать себя обладателем значительных территорий Восточной Европы, в частности Поволжья, Северо-Восточной Руси (Юго-Западная Русь пока еще оставалась вне его контроля).

Но, как верно подчеркивается в романе, достигнутый Батыем успех достался ему дорогой ценой. Ордынский правитель столкнулся в ходе военных операций 1237—1238 годов не только с героическим сопротивлением защитников Рязани, Коломны, Москвы, Владимира, Козельска, но также с мощной волной партизанского движения, с активным противодействием широких слоев народа. Наиболее ярким примером была военная деятельность рязанского отряда Евпатия Коловрата, развернувшаяся уже после взятия Владимира. На страницах романа фигурируют и другие герои-борцы, вышедшие из народа: Дикорос, Торопка, Звяга. Впечатляют и героические образы женщин — Вешнянки, Опаленихи, Прокуды, активно участвовавших в сопротивлении врагу. Запоминается и мужественное поведение молодой рязанской княгини Евпраксии, зафиксированное в таком литературном памятнике того времени, как «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Рассказывая о кампании 1237—1238 годов, автор время от времени напоминает читателю (через высказывания своих героев), что, несмотря на достигнутые успехи, Батый был еще тогда далек от реализации всей программы завоеваний Чингисхана. А это означало, что в ближайшие годы ему предстояло вести дальнейшую борьбу за установление контроля над юго-западными русскими землями, за выход к берегам «Последнего моря».

Именно этому этапу завоевательной политики Батыею посвящена третья книга писателя В. Яна, «К „Последнему морю“». Читатель сталкивается в этой книге с напряженной политической обстановкой в Восточной Европе, сложившейся в начале 40-х годов XIII века. Наблюдает рост и укрепление Волжского улуса Ордынской державы,

видит попытки Батые осуществить упомянутую выше программу завоеваний на европейском континенте. Последняя часть трилогии — роман «К „Последнему морю“» — рассказывает о том, как эти программные установки претворялись в жизнь, повествует о походах татаро-монгольских войск сначала на среднее Поднепровье, потом на земли Польши, Моравии, Венгрии, Адриатики.

Одна из больших творческих удач писателя в этом последнем романе трилогии — его рассказ о киевской военной кампании Батые, о героической обороне Киева, о мужестве и политической зрелости защитников древнерусской столицы. Здесь все интересно и важно: прежде всего тот факт, что на защиту города встало все его население, независимо от положения, занятий, возраста, пола. На вопрос Батые, заданный еще до начала штурма одному из русских пленных: «Сколько войска в Киеве?» — последовал краткий, но весьма весомый ответ: «Сколько людей, столько и воинов. Теперь каждый взялся за топор, за рогатину». Эта же тема готовности киевлян оборонять свой город прекрасно раскрыта автором и в описании народного веча, в конце непосредственной подготовки жителей к осаде и, наконец, самих боевых схваток киевлян с врагом на городских стенах, на улицах, в храмах.

Рассказ о героической защите Киева приобретает особо важное значение в романе еще и по той причине, что она трактуется здесь в качестве события не локального, а общерусского масштаба, как операция, равнозначная обороне Рязани, Владимира и других городов Северо-Восточной Руси, как подтверждение того обстоятельства, что русский народ в целом, несмотря на все трудности и неудачи, сохранял способность оказывать самое энергичное противодействие захватчикам, даже если общее соотношение сил складывалось не в пользу обороняющихся.

Интересны и поучительны страницы романа, рассказывающие о продвижении армии Батые после Киевской кампании дальше на запад, о марше ордынского правителя к «вечерним странам», к «Последнему морю», о широких боевых операциях татаро-монгольского войска в ряде стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

В романе вместе с тем показано, что, несмотря на все эти успехи Батые в «вечерних странах», главного достигнуто не было: ордынские войска не смогли остаться здесь надолго, т. е. не смогли реализовать

намеченную еще Чингисханом широкую программу завоеваний в Европе. Этому помешало не только сопротивление народов покоренных стран, но и растущий страх Батый за свои тылы. Его беспокоило отсутствие надежного контроля над политической жизнью русских земель, независимое поведение Великого Новгорода, усиление противоречий в самом правящем доме Чингисидов в связи со смертью Угедэя. В этих условиях Батый вынужден был отказаться от дальнейшей борьбы за подступы к «Последнему морю» и вернуться на южную Волгу.

Мы видим, таким образом, что В. Яну удалось в трилогии создать яркую и исторически достоверную картину грандиозных событий, которые происходили в Азии и в Европе на протяжении 20—30-х годов XIII века. Ему удалось рассказать о небывалой по масштабам экспансии ордынской империи на земли Хорезма, Ирана, Кавказа, Поволжья, наконец, и на территории Восточной Европы, а вместе с тем показать, что, несмотря на достигнутые успехи, правители Орды не могли считать целиком выполненной программу Чингисхана. И это не только потому, что они не овладели подступами к «Последнему морю», но еще и потому, что они оказались не в состоянии установить жесткий контроль над политическим развитием всех русских земель, подчинить себе полностью культурную и духовную жизнь Древней Руси.

При воссоздании грозных событий 20—40-х годов XIII века писатель добился большого приближения своего повествования к реальной исторической действительности. Надо сказать, что добивался автор этого главным образом одним средством — самым тщательным изучением полюбившейся ему эпохи, исследованием различных письменных источников, историографии.

Надо признать, что и при таком подходе к своим творческим задачам автор не избежал некоторых трудностей в работе. Имея дело с историографией 30-х годов, он не мог не столкнуться с существованием в тогдашней исторической науке ряда тенденциозных концепций, с которыми ему было нелегко согласиться. Одна из этих концепций явно идеализировала ордынскую политику XIII—XIV вв. на русских землях, допускала очевидную переоценку роли Орды в социально-экономическом и политическом развитии Руси, в формировании ее

государственности. Другая концепция, объективно подкреплявшая первую, искусственно занижала хозяйственный, государственно-правовой, культурный «потенциалы» древнерусского раннефеодального государства, сознательно выводила средневековую Русь из семьи европейских народов данного периода (видимо, для того, чтобы потом было легче превратить ее в объект «благотворного» воздействия Орды). Одни историки обосновывали эту концепцию путем навязывания русским землям X—XII вв. чрезмерного отставания их хозяйственной и политической жизни от исторического развития западных соседей, в том числе и западнославянских соседей, путем «фиксации» неразвитости производительных сил у восточных славян, живучести родоплеменного строя, крайней примитивности государственно-правового статуса, не выходявшего якобы за рамки эфемерных связей отдельных городских центров. Другие историки 30-х годов отстаивали идею обособленности Руси от всех остальных европейских стран раннего Средневековья путем «провозглашения» древнерусского государства X—XII вв. рабовладельческим (выдвижение этого тезиса было очевидной попыткой «втиснуть» восточноевропейский исторический процесс раннего Средневековья в жесткие рамки предложенной «Кратким курсом истории ВКП(б)» схемы обязательного прохождения каждым народом всех известных науке социально-экономических формаций, в том числе и рабовладельческой). Писатель-историк В. Ян не мог, разумеется, принять этих надуманных построений. Он предпочел вести самостоятельные исследования заинтересовавшей его эпохи, опираясь при этом на весьма широкий круг самых разнообразных источников того времени.

Писатель исследовал весь комплекс доступных нам восточных источников, прежде всего сочинений арабских и персидских авторов, подготовленных к изданию еще В. Тизенгаузенем, а также «Секретную историю монголов», «Историю монголов по армянским источникам» и т. д. Он изучил источники западноевропейского происхождения, в частности сочинения Плано Карпини «История монголов», известия венгерских миссионеров XIII века о татарах в Восточной Европе и другие публикации западноевропейских памятников того времени.

Вместе с тем автор глубоко исследовал древнерусские литературные сочинения, связанные с эпохой вторжения ордынских полчищ

на русские земли. Разумеется, издавая свои первые две книги в 1939—1942 годах, он не мог ознакомиться с послевоенными публикациями В. Л. Комаровича, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, посвященными исследованию этого круга произведений древнерусской литературы, тем не менее, являясь опытным литератором, автор сам многое сделал для верного раскрытия идейной и художественной ценности этих памятников. Так, уже в «Чингисхане» при изложении первого крупного столкновения татаро-монголов с русскими войсками в 1223 году он опирался на результаты своего изучения летописей, в частности, «Повести о битве на Калке», а в романе «Батый» он использовал свое осмысление таких памятников, как «Повесть о Николе Заразском», и, входившая в ее состав, «Повесть о разорении Рязани Батыем», летописные рассказы об осаде и гибели ряда русских городов (прежде всего Владимира, Рязани, Коломны, Козельска и других центров Руси).

Именно в этих источниках автор черпал сведения не только о ходе военных кампаний 20—30-х годов XIII века, приведших к установлению ордынского господства на значительной части русских земель, но и о начинавшемся в этих тяжелых условиях хозяйственном восстановлении Руси, об отдельных вспышках партизанского движения, о признаках устойчивого сохранения русским народом «национального» самосознания, о живучести идеи единства и целостности Русской земли.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что В. Ян в своих сочинениях нашел нужные художественные средства, чтобы сделать наглядными масштабы и характер исторического столкновения раннефеодальной Ордынской «державы» с феодальными государствами Хорезма, Ирана, Кавказа, Восточной Европы, чтобы показать, с одной стороны, всю тяжесть положения покоренных народов, и, с другой стороны, способность этих народов сохранить свою волю к борьбе за освобождение, за восстановление независимости родной земли.

Все это делает романы Василия Яна интересным явлением отечественной художественной литературы, весьма значительным вкладом в советскую историческую романистику.

Доктор исторических наук
И. Греков

Читатель, салам!*

«Сокол в небе бессилён без крыльев. Человек на земле немогуч без коня.

Все, что ни случается, имеет свою причину, начало веревки влечет за собой конец ее. Взятый правильно путь через равнины вселенной приводит скитальца к намеченной цели, а ошибка и беспечность завлекут его на солончак гибели.

Если человеку выпадает случай наблюдать чрезвычайное, как то: извержение огнедышащей горы, погубившее цветущие селения, восстание угнетенного народа против всеильного владыки или вторжение в земли родины невиданного и необузданного народа — все это видевший должен повесть бумаге. А если он не обучен искусству нанизывать концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминания опытному писцу, чтобы тот начертал сказанное на прочных листах в назидание внукам и правнукам.

Человек же, испытывавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте, когда холодная рука смерти уже касается головы его.

Однако, отточив тростниковое перо и обмакнув его в чернила, я задумался в нерешительности... Хватит ли у меня слов и сил, чтобы правдиво рассказать о беспощадном истребителе народов Чингисхане и о его свирепом войске?.. Ужасно было вторжение этих дикарей из северных пустынь, когда во главе войска мчался их рыжебородый владыка, когда разъяренные воины на неустойчивых конях пронеслись по мирным долинам Мавераннахра* и Хорезма, оставляя на дорогах тысячи изрубленных тел, когда каждое мгновение рождало новые ужасы и люди спрашивали друг у друга: «Засияет

ли опять небосвод, затянутый дымом горящих селений, или уже наступил конец мира?..»

Многие меня уговаривали поведать письменно все, что я знал и слышал о Чингисхане и о вторжении монголов. Я долго колебался... Теперь же я пришел к мысли, что в моем молчании нет никакой пользы, и я решаюсь описать величайшее бедствие, подобного которому не видывали на земле ни день, ни ночь и которое разразилось над всем человечеством, а в особенности над мирными тружениками твоих полей, измученный несчастьями Хорезм...

Здесь моя речь прерывается, чтобы не забегать слишком далеко. Старые люди подтвердят, что все, описанное мною, действительно совершилось.

Упорный и терпеливый увидит благоприятный конец начатого дела, ищущий знания найдет его...»

Книга первая
В великом Хорезме
все спокойно

Часть первая

В ПЛАЩЕ ДЕРВИША*

Глава первая

ЗОЛОТОЙ СОКОЛ

Наша обитаемая земля похожа на развернутый старый выцветший плащ. Она представляет собою остров, со всех сторон омываемый безграничным океаном.

Из старинного арабского учебника

Ранней весной запоздалая снежная буря пронеслась над мертвыми барханами* великой равнины Каракумов. Ветер яростно трепал пробившиеся сквозь пески редкие искривленные кусты. Белые хлопья крутились над землей. Десяток верблюдов беспорядочно сбился в кучу возле глиняной хижины с куполообразной крышей. Куда девались провожатые каравана? Почему погонщики не сняли тяжелых вьюков и не уложили их рядами на землю?

Верблюды поднимали облепленные снегом мохнатые головы, их тоскливые всхлипывания сливались с завыванием ветра. Вдали прозвенел колокольчик... Верблюды повернули головы в ту сторону. Показался черный осел. За ним, уцепившись за хвост, плелся бородатый человек в длинном плаще и высоком колпаке дервиша с белой повязкой странника, побывавшего в Мекке.

— Вперед, вперед! Еще десяток шагов, и ты получишь свою долю соломы. Смотри, мой верный друг Бекир, кого мы встретили! Где стоят верблюды, там отдыхают их

хозяева, а слуги уже развели костер. А разве там, где у костра собрались десять человек, не найдется горсти рисовой кати и для одиннадцатого? Эй, кто здесь? Правoverные, отзовитесь!

Никто не отозвался. Глухо звякнул треснувший колокольчик на шее верблюда-вожака.

Погоняя осла, запорошенный снегом путник медленно обошел постройку с низкой глиняной оградой. Дверь с искусно вырезанным узором была подперта колом. Позади хижины, на площадке, окруженной песчаными барханами, выстроились ряды безмолвных могил, старательно убранных белыми и черными камешками.

— Дервиш Хаджи Рахим Багдади приветствует вас, уснувшие навеки почтенные обитатели этой тихой долины! — бормотал путник, привязывая осла под камышовым навесом. — Где же сторож этого молчаливого собрания? Может быть, он в хижине?

Накрошив хлеба в пеструю торбу, дервиш подвязал ее к голове осла.

— Отдаю тебе, мой верный друг, последние остатки еды. Тебе она нужнее. Если мы за ночь не замерзнем, завтра ты потащишь меня дальше. Я уж буду согреваться воспоминаниями о том, как было нам жарко под пальмами благодатной Аравии.

Дервиш отбросил кол и открыл дверь. Посредине хижины, где обычно тлеет костер, потухшие угли покрылись пеплом. Крыша куполом уходила кверху, кончаясь отверстием для дыма. У стенки на корточках сидели четыре человека.

— Мир, благоденствие и простор! — сказал дервиш. Ему не ответили. Он сделал шаг вперед. Неподвижность, безмолвие и бледность сидевших заставили его быстро попятиться к двери и выскользнуть наружу.

— Хаджи Рахим, ты не должен роптать. Четыре мертвеца ждут, кто завернет их в саваны. А ты хоть нищ и голоден, но еще силен и можешь бродить по бесконечным дорогам вселенной... Рядом целый караван, потерявший своего хозяина.

Если б только я захотел, я мог бы сделаться владельцем этих верблюдов, нагруженных богатыми вьюками. Но искателю правды, дервишу, ничего не нужно. Он останется бедняком и пойдет дальше, распевая песни. Однако нужно пожалеть и бедную скотину.

Дервиш обошел верблюдов, распутал на них веревки, разместил животных рядом друг с другом и опустил их на колени. Среди вьюков он нашел мешок с ячменем и насыпал из него по несколько горстей перед каждым верблюдом.

— Если бы кто-либо спросил, сделал ли Хаджи Рахим за свою жизнь доброе дело, то эти верблюды ему могли бы хором спеть: «В холодную бурю дервиш накормил нас, и мы оттого не замерзли».

Всю ночь дервиш пролежал на связке камыша, прижавшись спиной к ослу, который тихо дремал, подобрав ноги. Утром ветер разметал тучи, и на востоке показалось солнце.

Увидев розовые лучи, скользнувшие по могилам, дервиш вскочил.

— В дорогу, Бекир, пойдем дальше!

Навьючив осла мешком с остатками ячменя, дервиш заглянул в хижину. Вместо четырех человек, сидевших у стены, теперь оставался только один. Раскрытые карие глаза смотрели тускло и не мигая.

— Куда же девались остальные мертвецы? Неужели они улеглись в могилы? Нет, Хаджи Рахим не хочет оставаться здесь; он пойдет дальше, в города Хорезма, туда, где много радостных людей, где льется беседа мудрецов, свежая, как молоко и мед.

— Помоги мне, правоверный! — прошептал хриплый голос. У сидевшего человека зашевелилась волнистая борода.

— Кто ты?

— Махмуд...

— Ты из Хорезма?

— У меня золотой сокол...

— Ойе! — удивился дервиш. — Правоверный, умирая, думает о своем соколе! Выпей воды!

Больной с трудом отпил несколько глотков из тыквенной бутылки. Его блуждающие глаза остановились на дервише.

— Меня тяжело ранили... разбойники Кара-Кончара*...

Три моих спутника ожидали горького конца, кто-то запер дверь, и мы не могли уйти... Если ты, правоверный, бросишь правоверного в беде, то это хуже убийства... — так говорит «благородная книга»*...

Его зубы стучали лихорадочной дрожью, рука с мольбой протянулась к дервишу и бессильно упала. Больной повалился набок.

Хаджи Рахим расстегнул шерстяную одежду больного. На груди темнела рана и сочилась кровь.

— Нужно остановить кровь. Чем перевязать его?

Рядом лежала толстая, искусно свернутая белая чалма*. Дервиш начал ее разматывать.

Из тонкой кисеи чалмы выпала овальная золотая пластинка. Дервиш поднял ее. На ней был тонко вычеканен сокол с распростертыми крыльями и вырезана надпись из странных букв, похожих на бегущих по тропинке муравьев.

Дервиш задумался и более внимательно посмотрел на больного.

— На этом человеке огненные отблески будущих великих потрясений. Вот где скрыта тайна ожившего мертвеца, — шептал дервиш. — Это пайцца* великого татарского кагана*. Этого золотого сокола надо сберечь; я отдам его больному, когда разум и сила к нему вернуться, — и дервиш спрятал золотую пластинку в складках своего широкого пояса.

Он долго возился с больным, пока не обмотал его раненую грудь тонкой кисеей чалмы. Затем он вышел из хижины, поднял одного из верблюдов и подвел его к двери. Он опустил верблюда на колени, перенес больного и усадил его между мохнатыми горбами, привязав волосяными веревками.

Когда солнце поднялось над барханами, дервиш шагал по тающему снегу едва заметной степной тропой. За ним семенил копытцами осел, а за ослом равномерно шагал высокий

двугорбый верблюд. На нем беспомощно раскачивался привязанный больной.

— Вперед, Бекир! Скорее дойдем до Гурганджа*, где тебя ждет охапка сухого клевера. Здесь опасно. Из-за холмов вылетит разбойник Кара-Кончар и сделает рабом твоего хозяина, а с тебя сдерет твою черную шкуру. Скорей, подальше отсюда!

Глава вторая

В ЮРТЕ КОЧЕВНИКА

Джелаль эд-Дин Менгбурны, наследный сын хорезм-шаха*, охотился в песках Каракумов. Двести лихих джигитов на отборных конях сопровождали молодого хана. Они выполняли тайный приказ шаха — следить, чтобы Джелаль эд-Дин не скрылся из пределов Хорезма. Джигиты двигались полукругом по степи, стараясь загнать джейранов* и диких ослов к гряде холмов, где слуги заблаговременно поставили черную палатку с белым верхом и готовили пиршество для всех участников охоты.

Весна рассыпала по пескам первые редкие цветы, и под ослепительным солнцем быстро таяли остатки снежных заносов. На третий день охоты небо внезапно потемнело. С севера, из Кипчакских степей*, подул холодный ветер, и закрутилась снежная пурга.

Джелаль эд-Дин на горячем вороном аргамаке, преследуя раненого джейрана-самца, отделился от своих спутников. Он видел, как козел прихрамывал и оглядывался, насторожив уши. Уже близка была добыча, но джейран, тряхнув изогнутыми рожками, снова унесся в степь. Упорный и гневный хан скакал на взмыленном жеребце, не спуская глаз с мелькавшего впереди поднятого черного хвоста.

Наконец джейран был пробит стрелой с орлиным пером и привязан за седлом. Между тем буря усилилась, снег замел тропинки. Джелаль эд-Дин понял, что заблудился и может погибнуть, если буря продлится несколько дней. Ведя коня в поводу, он пошел против ветра. Надвигалась ночь. Выбившись из сил, хан развернул попону, укрыл коня и, полузасыпанный снегом, просидел так всю ночь.

Взошло солнце, ветер стих. Снег стал таять, между барханами потекли ручейки. Вглядываясь в даль, Джелаль эд-Дин заметил сигнальную вышку — холм, сложенный из хвоста и костей; он намечал путь среди однообразной, как море, равнины. Хан направился к нему. В глинистой долине между песчаными холмами приютились четыре бедные, закоптелые юрты.

Неистовый лай собак вызвал из юрты старого кочевника-туркмена. Придерживая накинутый на плечи козлийный тулуп, он с достоинством подошел к всаднику и гостеприимно коснулся повода.

— Если мой дом не покажется тебе слишком бедным, то войди с миром, почтенный бек-джигит! — сказал старик, пораженный богатой одеждой, малиновыми шароварами из толстого шелка, а более всего величественным вороным жеребцом, на каком могут ездить только султаны.

— Салам! Есть ли у тебя ячмень? Я заплачу двойную цену.

— В пустыне хлеб дороже денег. Но для редкого гостя найдется все, что он захочет. Вместо ячменя твой конь будет накормлен отборной пшеницей...

Из ближней юрты слышался шум ручного жернова, на котором женщины мололи пшеницу.

— Ойе, вы там! Возьмите коня!

Две девушки в темно-красных рубашках до пят, звеня серебряными украшениями и монетами на груди, выбежали из юрты, прикрываясь краем полупрозрачной ткани, накинутаю на голову. Они взяли с двух сторон за повод коня и увели его.

Хан вошел в юрту. Там было тепло. Посредине курился костер из смолистых корней. У стенки на войлоке лежал на спине человек. Серое бескровное лицо с черной бородой и сложенные на груди руки говорили о близкой смерти. Прерывистое дыхание показывало, что жизнь его отчаянно борется в этом обессиленном теле.

В ногах больного сидел бородатый дервиш, в высоком колпаке с белой повязкой, знаком хаджи*. На его полуго-

лое тело был накинута широкий плащ с множеством ярких заплат.

— Салям-алейкум! — сказал Джелаль эд-Дин и опустился на войлок около больного. Подползла закутанная до глаз женщина-рабыня и стащила с хана промокшие зеленые сапоги. Джелаль эд-Дин отстегнул кожаный пояс с кривой саблей и положил около себя.

— Ты кто? — спросил он дервиша. — Судя по твоей одежде, ты видел далекие страны?

— Я хожу по свету и ищу среди моря лжи острова правды...

— Где твоя родина и куда ты идешь?

— Меня зовут Хаджи Рахим, а прозвали меня еще Багдади, потому что я учился в Багдаде*. Моими учителями были самые совершенные, великодушные и знающие люди. Я изучил много наук, много перечел сказаний арабов, турок, персов и написанных древним языком пехлеви. Но, кроме сожаления и кроме тяжести грехов, я не вижу другого следа моих юных дней...

Джелаль эд-Дин поднял недоверчиво бровь:

— Куда же и зачем ты идешь?

— Я хожу по этому плоскому подносу земли, лежащей между пятью морями, посещаю города, оазисы и пустыни и ищу людей, опаленных огнем неудержимых стремлений. Я хочу увидеть необычайное и преклониться перед истинными героями и праведниками. Сейчас я направляюсь в Гургандж, по слухам, прекраснейший и богатейший город Хорезма и всего мира, где, говорят, я найду и блистающих знаниями мудрецов, и искуснейших мастеров, украшающих город образцами великого искусства...

— Ты ищешь героев, записывающих свои подвиги концом меча на полях битв? — сказал Джелаль эд-Дин и задумался. — А сумеешь ли ты такими пламенными строками описать подвиги героя, чтобы юноши и девушки запели твои песни, чтобы их повторяли отважные джигиты, бросаясь в бой, или старики, делая последний шаг к могиле?

Дервиш ответил стихами:

Хотя богат и славен песней Рудеги*.
Но я не меньше слов прекрасных знаю.
Слепой, стихами он завоевал весь мир,
А я пою для собеседников костра степного...

Хозяин втащил в юрту убитого ханом джейрана. С него была уже содрана шкура и выпотрошены внутренности.

— Позволь передать женщинам часть мяса, чтобы они приготовили для тебя ужин?

— Угощайтесь все! Берите все! — ответил Джелаль эд-Дин. — Я не ловчий у бека. Я сам бек и сын бека, не обязанный передавать добычу хозяину. — Он вытащил из ножен узкий кинжал, вырезал из спины джейрана несколько тонких кусочков мяса и, нанизав их на прутик, стал поджаривать над угольями костра.

Хозяин передал тушу джейрана женщинам, а сам сел рядом с гостем. Поглаживая бороду, он стал задавать вопросы вежливости:

— Здоров ли ты? Силен ли ты? Согрелся ли? Здоровы ли твои родители?

Хан, соблюдая обычай, тоже задал несколько вопросов участия и затем сказал:

— Да не покажутся обидой мои слова: чей это шатер и где я нахожусь?

— Моя юрта на один переход в стороне от большой караванной дороги к городу Несе*, а я — простой кочевник, затерянный в великой степи, которого все зовут Коркуд-чобан*.

Собака, ворчавшая за стеной юрты, залилась лаем. Донесли крики, всхлипывания и плач. Конский топот приблизился и затих. Сильный голос окликнул:

— Кто в юрте? Отзовись, Коркуд-чобан!

Содержание

<i>И. Б. Греков. Цикл произведений В. Яна об ордынских нашествиях XIII века</i>	5
---	---

Книга первая

В ВЕЛИКОМ ХОРЕЗМЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Часть первая. В ПЛАЩЕ ДЕРВИША

Глава первая. Золотой сокол.....	27
Глава вторая. В юрте кочевника.....	32
Глава третья. Степной джигит	36
Глава четвертая. Хаким, правдиво решающий	41
Глава пятая. Заветная калитка	45
Глава шестая. Шахский летописец.....	48

Часть вторая. МОГУЧ И ГРОЗЕН ШАХ ХОРЕЗМА!

Глава первая. Утро во дворце.....	56
Глава вторая. «Нуба» Искендеру Великому	62
Глава третья. Князь гнева.....	67
Глава четвертая. Пришитая тень.....	72
Глава пятая. Щедрость	76
Глава шестая. Заговор царицы Туркан-Хатун.....	81
Глава седьмая. Пленница гарема	87
Глава восьмая. «Гонец скорби» может принести радость	91
Глава девятая. В саду опального наследника.....	98

Часть третья. БИТВА ПРИ РЕКЕ ИРГИЗЕ

Глава первая. Поход в кипчакскую степь	107
Глава вторая. Битва с неведомым племенем.....	114

Часть четвертая. ВРАГИ НА ГРАНИЦЕ

Глава первая. Монгольское войско готово к набегу	124
Глава вторая. Посольство восточного владыки	127
Глава третья. Ночная беседа шаха с послом	131
Глава четвертая. Что посол рассказал о Чингисхане	134
Глава пятая. Великий каган слушает донесение	143

Глава шестая. Беспокойная ночь Чингисхана.....	146
Глава седьмая. В юрте Кулан-Хатун.....	150
Глава восьмая. Каган считает по пальцам.....	155
Глава девятая. Пропавший караван.....	158
Глава десятая. Посла не душат, посредника не убивают.....	161
Глава одиннадцатая. Чингисхан рассердился.....	163
Глава двенадцатая. Как надо писать письма.....	168

Часть пятая. ВТОРЖЕНИЕ НЕВИДАННОГО НАРОДА

Глава первая. Кто не защищается — погибает.....	174
Глава вторая. Курбан-кызык сделался джигитом.....	180
Глава третья. Война началась.....	186
Глава четвертая. Защита воина — острие его меча.....	190
Глава пятая. Неукротимый Тимур-Мелик.....	195
Глава шестая. Монголы идут через пески.....	198
Глава седьмая. В осажденной Бухаре.....	201
Глава восьмая. Бухара сдалась без боя.....	206
Глава девятая. «Хорошо в степях Керулена!».....	211

Книга вторая

ПОД МОНГОЛЬСКОЙ ПЛЕТЬЮ

Часть первая. УРАГАН НАД ХОРЕЗМОМ

Глава первая. Горе бросившим оружие!.....	221
Глава вторая. Старейшины Самарканда предали город.....	227
Глава третья. Хорезм-шах нигде не находит спокойствия.....	231
Глава четвертая. На острове Абескунского моря.....	237
Глава пятая. Курбан-Кызык отправился домой.....	243
Глава шестая. Курбан ищет свою семью.....	248
Глава седьмая. Бегство царицы Туркан-хатун.....	252

Часть вторая. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕЛИКОГО ХОРЕЗМА

Глава первая. Джелаль эд-Дин вызывает на бой Чингисхана.....	256
Глава вторая. Битва при Синде.....	262
Глава третья. Хаджи Рахим стал писцом.....	265
Глава четвертая. «Черный всадник».....	270
Глава пятая. Сказка Хаджи Рахима.....	275
Глава шестая. Из-за Гурганджа враждовали три сына Чингисхана.....	286
Глава седьмая. Кара-Кончар ищет конец сказки.....	290
Глава восьмая. Чтобы взять Гургандж — его надо сперва разрушить.....	297

Глава девятая. Кара-Кончар в «башне вечного забвения»	300
Глава десятая. Хаджи Рахим у юного Бату-хана	308
<i>Часть третья. БИТВА ПРИ КАЛКЕ</i>	
Глава первая. Приказ Чингисхана.....	312
Глава вторая. Донесение «величайшему»	314
Глава третья. В поисках последнего моря	317
Глава четвертая. В стране аланов и кипчаков	320
Глава пятая. В татарском лагере близ Калки	324
Глава шестая. Бродник Плоския в татарском плену	328
Глава седьмая. Тревога в Киеве.....	334
Глава восьмая. План Субудай-багатура.....	346
Глава девятая. Монголы на берегах Днепра	349
Глава десятая. Урусы и кипчаки двинулись в степь.....	352
Глава одиннадцатая. Татарская западня.....	357
Глава двенадцатая. Субудай-багатур готовится к битве	359
Глава тринадцатая. Битва началась	364
Глава четырнадцатая. «И бысть сеча зла и люта...».....	369
Глава пятнадцатая. Татарский пир на костях.....	375
<i>Часть четвертая. КОНЕЦ ЧИНГИСХАНА</i>	
Глава первая. Чингисхан приказал повернуть коней.....	380
Глава вторая. Переписка Чингисхана с нищим мудрецом.....	386
Глава третья. Сделай меня бессмертным!	390
Глава четвертая. Возвращение монголов в «коренную орду».....	399
Глава пятая. Чингисхан решил умереть в походе	402
<i>Эпilog</i>	
Глава первая. Здесь прошли монголы	412
Глава вторая. Где шумный город Самарканд?	418
Глава третья. В железной клетке	422
Глава четвертая. Последняя страница книги	425
Комментарии.....	430

Літературно-художнє видання

ЯН Василь

Чингісхан

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальні за випуск *О. А. Дидикина, Т. М. Куксова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Коректор *Т. О. Сьомочкина*

Підписано до друку 19.04.2013. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 23,52. Наклад 15 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ЯН Василий

Чингисхан

Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственные за выпуск *О. А. Дыдыкина, Т. Н. Куксова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Корректор *Т. А. Семочкина*

Подписано в печать 19.04.2013. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 23,52. Тираж 15 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

**«Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»»**
61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел./факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

Одесское

подразделение

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

XII століття. Из глубины степів Азії на суміжні землі сунули монгольські орди, змітаючи все на своєму шляху, і їхнім ватажком був Чингісхан. Йому вдалося згуртувати розрізнені племена співвітчизників у єдину потужну державу й підкорити не тільки всю Середню Азію, але й більшу частину руських князівств. Як нечисленний народ зміг завоювати такі значні території? У чому секрет сили великого хана Монгольської імперії?

Ян В.

Я60 Чингісхан : роман / Василий Ян ; сост. ООО «РИЦ Литература» ; вступ. ст. И. Грекова ; коммент. В. Яна. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 448 с.

ISBN 978-966-14-5182-6 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2411-2 (Россия)

XII век. Из глубины степей Азии на соседние земли обрушились монгольские орды, сметая все на своем пути, и их предводителем был Чингисхан. Ему удалось объединить разрозненные племена соотечественников в единое мощное государство и покорить не только всю Среднюю Азию, но и большую часть русских княжеств. Как небольшой народ смог завоевать столь обширные территории? В чем секрет силы великого хана Монгольской империи?

УДК 821.161.1

ББК 84.4РОС